

ЭПОХАЛЬНЫЕ МЕМУАРЫ

ВАСИЛИЙ НОВОБРАНЕЦ

Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ
О ВОЙНЕ СТАЛИНА

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО
РАЗВЕДЧИКА

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н74

Новобранец, Василий Андреевич.
Н74 Я предупреждал о войне Сталина. Записки военного разведчика / Василий Новобранец. — Москва : Яуза-пресс, 2017. — 416 с. — (Эпохальные мемуары).

ISBN 978-5-9955-0943-1

Накануне войны полковник ГРУ Василий Новобранец, в обход своего непосредственного начальства, направил Сталину и разослал в войска разведсводку, предупреждавшую о скором нападении немцев на СССР, однако вождь полковнику не поверил.

Посмеяв пойти против «руководящей линии партии» и собственного руководства, которое в угоду Сталину закрывало глаза на любую информацию о приближении войны, Новобранец понимал, что рискует головой — но судьба хранила разведчика: его не посадили и не расстреляли, а всего лишь «сослали» в штаб Киевского Особого Военного округа, после 22 июня преобразованного в Юго-Западный фронт. В августе 1941 года начальник разведотдела 6-й армии ЮЗФ Василий Новобранец попал в плен в Уманском котле. Отказавшись сотрудничать с врагом, он прошел через все ужасы немецких концлагерей, выжил, бежал, партизанил на Украине и в Норвегии.

Обо всем этом, об увиденном и пережитом, Василий Андреевич рассказал в своих мемуарах.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0943-1

© Новобранец В.А., 2017
© ООО «Яуза-пресс», 2017

КНИГА I

ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ И ВОЙНА

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Мое детство и юность ничем особенным не отличались от судеб миллионов таких же бедняцких и батрацких мальчишек.

С восьми лет пришлось идти в пастухи к сельским кулакам. А случилось это вот почему.

Мой отец, Андрей Степанович Новобранец, работал слесарем в Николаеве на каком-то французском заводе. Не знаю уж по какому случаю, но отца с завода уволили и выслали из города по «волчьему билету». Молодым читателям поясню: «волчий билет» в Российской империи означал особый вид возмездия за политическое непокорство. Человек с «волчьим билетом» не имел права жить в губернских городах, в уездных городах разрешалось «волку» прожить месяц, а в волости — в зависимости от характера и настроения волостного старшины или земского начальника. «Волк» — это политический бродяга.

Случилось это с отцом в 1912 году. Из истории революционного движения в России мы знаем, что в этом году после Ленского расстрела боевой дух рабочего класса стал возрождаться и нарастать. Во многих городах, в том числе и в Николаеве, были крупные забастовки и столкновения с полицией. Могу только догадываться, что и мой отец принимал активное участие в этом движении, за что и попал в «волки».

Мне тогда исполнилось всего восемь лет. Моей матери Евдокии Андреевне с двумя сыновьями — мной и младшим Андреем — пришлось уехать в деревню Кононовка Сенчанской волости Полтавской губернии к моему деду по отцу, Степану. Дед-бед-

няк имел только хату-мазанку, традиционный вишневый садик и огород. Батрачил. Со снохой, моей матерью, дед из-за чего-то повздорил, и она ушла работать в сельскую «сборню» — хату, где происходили обычные сельские сходы. Работала мать сторожикой, за что получила право жить в сборне. Хлеб мать зарабатывала на уборке кулацких полей «за седьмой сноп». А я пошел к кулаку пастухом за пять пудов хлеба... за весь пастушеский сезон!

Кулаки, у которых довелось работать, за малейшую ошибку или мальчишеский недогляд чаще прибегали к кнуту, чем к словесному внушению.

В деревне была школа. В первый же год приезда в Кононовку я пошел учиться. Учительницей была поповна Вера Ивановна. По тем временам — неплохая учительница. Кроме обычной грамоты по программе она читала нам рассказы, стихи, чаще всего Тараса Шевченко. Насколько я сейчас вспоминаю, была наша учительница националисткой, за что ее и уволили.

Другим нашим учителем и воспитателем был дьякон.

Учился я хорошо и охотно, с жадностью читал каждую случайно попавшуюся книжку...

Года три мы об отце не получали никаких известий. Уже в начале Первой мировой войны мать как-то сказала мне и брату Андрею:

— Бегите до дида, батько приехав.

Побежали. В хате увидели: сидят батько с дедом. Выпивают.

— Здравствуй, тату, — говорю отцу... Отец пошел с нами гулять. На прогулке расспрашивал, как живем и учимся. Я сказал, что здешнюю школу уже кончил, а учиться еще хочется.

В волостном селе Сенча была министерская школа с пятилетним обучением. Учение было платное, и отец заплатил за меня.

Вскоре отец уехал. Уезжая, закопал в огороде железный ящик с книгами и наказал:

— Вырастешь — выкопай книги и прочитай.

И отец опять исчез. Вновь появился в 1917 году, в начале революции. С участием «волка» и по его наущению крестьяне разгромили ближайшего к нам помещика. «Громил» и я, тринадцатилетний мальчишка. С погрома принес... книги! Особенно запомнилась книга «Астрономические вечера» Фламариона.

Запомнилась и внушительная демонстрация с красными флагами. Солдаты-фронтовики, и отец среди них, арестовали пристава, урядника, волостного старшину. Демонстранты пели песни, но запомнились всего две: «Заповіт» Тараса Шевченко и другая, националистическая:

Ще не вмерла Україна,
И слава, и воля,
Ще нам, хлопцы молоді,
Усміхнеться доля...

Песня особенно полюбилась кулацким сынкам. Но и мы, оборванцы батрацкие и бедняцкие, вслед за ними подхватывали:

Згинут наші вороженьки,
Як роса на сонці,
Запануєм ми, братці,
У своїй сторонці.

В 1918 году, когда на Украину хлынули немецкие дивизии, отец ушел с полком красноармейцев. В Новочеркасске он попал в плен и был расстрелян белоказаками.

Предоставляю право самим читателям судить, как эта скупо изложенная биография отца могла повлиять на мальчишеское сердце и воображение, как она повлияла на всю дальнейшую жизнь мою.

О смерти отца я узнал летом 1919 года. Моя батрацкая жизнь за это время совершенно не изменилась. Все так же я пас кулацкий скот. Бродя по степи в обществе таких же мальчишек и рогатых друзей человека, я думал-мечтал, создавал десятки вариантов мести за отца, за свою нищую жизнь. Но кому и как? В моем мальчишеском мозгу думы и мечты не получали конкретных форм. Только крылатая розовая мечта без почвы и реального содержания.

Ответ на мои думы-вопросы подбросила сама жизнь. Однажды по шляху мимо меня шел большой обоз в сопровождении красноармейцев. Подошел я к ним.

— Дядька, — спрашиваю пожилого красноармейца с красной лентой на фуражке, — куда идете?

— А чуешь, хлопчик, гром гремит?

Я и до того обратил внимание на далекий гул. И дивился: небо ясное, только легкие барашки на нем, а где-то гром гремит.

— Чую, дядько, — отвечаю красноармейцу, — будто гром, а хмары не бачу.

— А то Деникин на нас идет, это и есть гадючья хмара.

— Дядько, а можно мне с вами?

— А что скажет твой батько?

— А моего тату расстреляли казаки.

Красноармеец аж крякнул от неожиданности, но все же сурово сказал:

— Ишь ты... тоже, значит, в красных был... но ты, хлопец, еще мал. Живи до времени, расти...

А я, забыв про кулацкий скот, иду с ним рядом, еще и еще прошу. Дрогнуло солдатское сердце:

— А ну, садись на воз... побалакаешь с командиром полка.

Полк шел через нашу деревню Кононовку и остановился в ней на ночлег.

Вечером я пошел к командиру. Усатый, в кожаной куртке, перепопсанный пулеметными лентами, суровый на вид командир выслушал меня и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Вот и врешь. И дальше так будешь врать? Нет! Иди домой к матери... когда подрастешь и отучишься врать — приходи.

Заплакал я от досады — соврал неудачно. И от обиды: был я уже опытным пастухом, получал от кулаков, кроме пяти пудов хлеба, рубаху, чоботы и свитку, а ростом не вышел: в свои 15 лет я выглядел двенадцатилетним. Видимо, кулацкий хлеб не шел мне впрок.

Иду домой и умываюсь слезами. На улице увидел другой обоз. И около него знакомые дядьки — члены коммуны. Узнаю от них, что в связи с наступлением Деникина вся коммуна уходит. Побежал я к председателю коммуны. Тот знал моего батьку, знал всех нас и нашу батрацкую долю. Выслушал он меня, почесал затылок и разрешил идти с обозом коммунарков.

Пошел обоз коммунарков по тылам Деникина, отбиваясь от белых и желто-зеленых банд. В коммуне я стал разведчиком, получил коня, карабин и шашку. Шашка была мне до плеча, а на коня я мог сесть только с пенька или повозки.

И все же в боевых схватках с бандитами и в разведке я ни от кого не слышал слов упрека или насмешки. Из крупных боев

запомнился бой с бандой Ангела. Растрепали мы эту банду весьма основательно, и сам он еле ноги от нас унес.

Так скитались мы всю зиму 1919 года. В начале 1920 года коммунары вернулись в свою деревню.

Началась та «мирная» жизнь, которая для молодой Советской власти была не менее тревожной, трудной и сложной, чем Гражданская война. В 1921 году в местечке Сейча организовалась комсомольская ячейка. Всего в ячейке было шесть парней и одна девушка. В деревне Кононовка я был один комсомолец.

Комсомольцы приняли активное участие в работе комбеда, в изъятии хлебных излишков, в заготовке продовольствия. Я был в составе продотряда.

Комбед улучшил наше материальное состояние. Мне выделили корову, пять овец и две десятины земли (на две мужские души — брата и меня). Дед помирился со снохой, моей матерью, и я стал хозяйничать уже вместе с ними. Пахал, сеял.

Но кратка и малопродуктивна была моя хозяйственная деятельность.

Для того чтобы пахать, нужно было иметь плуг, лошадь, различные сельскохозяйственные орудия. Ничего этого у меня не было. Пришлось сдавать землю в аренду кулакам. И снова кулаки были с хлебом, а я без хлеба. Кроме того, в селе разгорелась классовая борьба. Кулаки взяли за оружие. Кулацкие банды стали нападать на села, убивать коммунистов, комсомольцев, советских служащих. Пришлось больше воевать с бандами, чем пахать землю.

Однажды мы получили сообщение, что одна банда должна пройти через местечко Сейча. Волостная комячейка и комсомольцы организовали отряд. Банда нарвалась на нашу засаду. В короткой схватке мы разгромили ее, убив много бандитов и захватив одного в плен.

Пленного мы всенародно судили. На поляну, где проходил суд, собралось много крестьян. Бандиту дали полную свободу для защиты, для изложения своей программы. Бандит высказал свои националистические взгляды и свою кулацкую программу. Его выслушали внимательно, а потом стали выступать члены партии и коммуны. Кулацкая программа была теоретически разбита. Крестьяне аплодировали коммунистам. Бандит был вынужден признать свои «идейные» ошибки. Всенародный суд пригово-

рил его к расстрелу. Приговор был тут же приведен в исполнение.

Беспокойная жизнь, воспоминания об отце, непрекращающийся бандитизм, продолжающаяся нищета привели меня к решению: надо идти в армию и учиться.

И удача улыбнулась мне: осенью 1922 года был объявлен набор в школу «Червоных старшин». Обсудили мы, комсомольцы, это известие и на своем собрании: все шесть парней подали заявление в школу.

Так с конца 1922 года и началась моя официальная военная биография.

И вот деревенский пастух из глухой полтавской деревеньки оказался в Харькове, столице Украины.

Сейчас и мне нелегко вспомнить и показать контраст между деревней 1922 года и Харьковом, по тому времени достаточно крупным городом.

Предшествующий 1921 год был годом страшного голода, охватившего двадцать центральных губерний. А 1922-й был годом не менее ужасных последствий двух войн и неурожая.

Трудновообразимый контраст!

Деревенские хаты из-за отсутствия керосина и ламповых стекол освещались сальными каганцами и коптилками. Из-за отсутствия угля и железа кузницы не работали. Не было простейших инструментов, ножей, топоров, не было необходимых в крестьянском обиходе тканей — ситца, сатина, бязи, «чертовой кожи», даже соль была остродефицитной.

Наша Полтавщина не пострадала от засухи, мы имели хлеб и овощи, но мимо нас брели тысячи людей из голодных губерний. На них страшно было глядеть.

И вот из деревни, утопающей в прямом и переносном смысле во тьме, переходящей на натуральное хозяйство «все свое в своем хозяйстве», на простейший товарообмен, деревенский батрак, пастух вдруг оказался в крупном городе, в тогдашней столице Украины.

Здесь — сверкающие витрины нэпмановских магазинов, барыни в мехах, лихачи на дутых шинах, пьяный разгул в трактирах и ресторанах, спекулятивные базары и толкучки, где можно было все продать и все купить: и кусок хлеба, и рубашку, и продовольственную карточку, и фунты-доллары...

Нэпман нагло захватил центральные улицы города, а рабочие окраины были все так же погружены в сумрак и все так же питались очень скухими пайками по карточкам. И всюду — на улицах и площадях, на вокзалах и у подъездов учреждений — огромное количество нищих: стариков, инвалидов, женщин с детьми.

И беспризорники!

Многое из тех лет современная молодежь знает из книг, видели в кино и театрах. Но очень многое еще надо вспоминать и рассказывать. И показывать, но без всякой романтики!

С высоты последних десятилетий XX века лучше просматриваются и познаются минувшие события начала века.

В школе «Червоных старшин» имени ВУЦИК (Всеукраинский Центральный исполнительный комитет) встретили нас, молодых деревенских парней, очень хорошо. Я страшно боялся экзаменов, так как сознавал скудность своих познаний, полученных в сельской школе. Но «испытания» оказались простой формальностью.

Во-первых, мы были комсомольцами, а армия нуждалась в новых «красных» командирах; во-вторых, я был бедняком, па-стухом и уже «понюхал» порох в Гражданскую войну; в-третьих, на один-единственный вопрос «Что такое РСФСР?» я ответил хотя и уверенно, но не совсем точно: «Российская советская федеративная республика», а вот что скрывалось за вторым «С», ответить не смог.

Члены приемочной комиссии, выслушав мою биографию и мой ответ на вопрос «из политграмоты», переглянулись, улыбнулись, и комиссар школы Кирпонос сказал:

— Ну иди... Принят!

На учебу я накинулся, как голодный на котелок добротной солдатской каши. Некоторые предметы мне давались трудно — математика, русский язык, но я брал их огромной усидчивостью. Даже в праздничные дни я редко выходил на прогулку по улицам Харькова.

Одновременно с преодолением учебной программы я стал азартно читать политическую литературу, и в первую очередь, конечно, сочинения Ленина. Многое воспринималось легковесно, многое ускользало от моего недостаточно зоркого политического зрения, но крепко и на всю жизнь укрепилось простое ленинское слово. Оно поразило меня ясностью, глубиной и общедо-

ступностью. Казалось бы, очень сложные теории и философское учение в его изложении становились понятными даже для меня, сельского парня с образованием нынешней семилетки. Статьи и речи Ленина открывали и освещали мне пути в новый мир.

Большое, можно сказать, решающее значение для нашего политического роста имела партийно-комсомольская и общественная жизнь курсантов. Никогда и нигде я больше не встречал и не переживал столь бурной, страстной и просто увлекательной общественной и политической жизни, какую посчастливилось пережить в харьковской школе «Червоных старшин». Собрания по разному поводу проводились очень часто. Мы на них являлись в полном составе без каких-либо явных или тайных принудительных мер. Спор, дискуссия, критика, невзирая на лица и мундиры, были очень бурными. Говорили мы без шпаргалок, без тезисов, подсунутых до собрания каким-либо знатным дядюшкой. Говорили все, что на душе и на уме, не стесняясь корявости своего языка. И не помню я ни одного случая, чтобы нас кто-либо из старших грубо одергивал и осаживал. А бывало, конечно, в наших выступлениях немало всяких благоглупостей, рожденных молодостью, недостатком знаний и просто невоспитанностью.

Старшие товарищи коммунисты терпеливо, настойчиво и по-доброму нас наставляли, поправляли. Многих из них я запомнил до конца жизни и всегда буду вспоминать добрым словом.

Приходилось встречать, видеть и слышать видных деятелей нашей партии. Например, М. В. Фрунзе. Он был в те годы командующим Украинским военным округом. А для нас он был просто прославленным командармом, героем Перекопа, а также одним из лучших ленинских учеников. Фрунзе не раз бывал в нашей школе, но мы видели в нем не командарма, не генерала, а старшего товарища и друга. Он запросто садился среди нас, расспрашивал о житье-бытье, о наших интересах и нуждах. Мы задавали десятки вопросов. Он терпеливо и толково разъяснял нам сущность и сложность задач, стоявших перед нашей социалистической Родиной и перед мировой революцией. К сожалению, уже тогда он был тяжело болен. Мы видели, что приходил он утомленным, с усталыми глазами, и потому сами сокращали беседы с ним.

Чаше встречались мы с нашим Всеукраинским старостой Петровским Григорием Ивановичем.

Однажды нашим курсантам было доверено охранять поезд Петровского. Те годы на Украине были еще очень тревожными. Банды разных окрасок продолжали еще гулять по степям. Из Польши вылезали банды Скоропадского, Петлюры, Савинкова, «батьки Тютюника» (о последнем дальше еще помяну).

Однажды наши курсанты защищали поезд Петровского от напавшей банды. Курсант Базилевич лег за пулемет. Неожиданно к нему подбегает Петровский:

— В чем дело? Что случилось?

Петровский во время нападения банды спал. Проснувшись, выскочил из вагона и присоединился к курсантам. Базилевич взволнованно ответил:

— Банда напала, Григорий Иванович, уходите... Вам нельзя тут быть.

— Что значит нельзя? А где же мне быть? А ну, что тут у тебя... давай буду пулеметные ленты подавать.

Так весь бой Всеукраинский староста и провел у пулемета в качестве второго номера.

Очень хорошо запомнилась и моя беседа с ним.

Однажды довелось в качестве секретаря общешкольного комсомольского коллектива быть в президиуме совместного собрания с комсомольцами ВУЦИКа, нашими шефами. Уже во время собрания вижу: идет по просвету между рядов старичок с седенькой бородкой, с палочкой. По залу — шорох, шепот:

— Петровский! Григорий Иванович!

Взрыв аплодисментов. Зал встал. Долгие аплодисменты. Петровский прошел в президиум и сел рядом со мной. Мое комсомольское сердце трепетало и замирало. Я знал до того Петровского по портретам, а тут вот он — рядом, легонько покашливает, осматривается и вдруг тихонько спрашивает:

— Ну, как живете?

— Хорошо, Григорий Иванович, — отвечаю шепотом. — Видите, как нас обмундировали...

А обмундированы мы были действительно хорошо: малиновые галифе, английские прекрасные ботинки, хорошие обмотки и френчи. Правительство где-то разыскало обмундирование каких-то гвардейских полков «его величества» и передало нам. Мы гордились своим обмундированием. Я не выдержал, похвастался даже Г. И. Петровскому. Но добавил:

— Кушать вот маловато.

Григорий Иванович сочувственно покачал седенькой бородкой и зашептал, словно извиняясь и оправдываясь:

— Ну что же делать, трудно нам еще. Две войны одна за другой, а тут еще голод навалился. Но скоро мы станем богаче, друже, тогда будем еще лучше одеваться, сытно и вкусно кушать. А сейчас потерпите.

Меня буквально потрясла такая форма разъяснения наших трудностей главой правительства молодому солдату. Даже жарко мне стало.

— Григорий Иванович, — шепчу ему и мысленно сам себя ругая, что так неудачно вспомнил о «шамовке». — Да мы не жалуемся... это я так, к слову пришлось. А мы от своего пайка даже выделяем долю в помощь голодающим.

В бородке Петровского ухмылочка, а глаза теплые, понимающие.

— Так-так... к слову, значит. Ну, это хорошо. А как у вас с дисциплиной и учебой?

— Хорошо, Григорий Иванович. Мы стараемся усвоить военную науку.

— Молодцы! За это хвалю. Старайтесь учиться. Нам сейчас очень нужны свои образованные командиры...

Не только мы, курсанты, а вообще украинцы очень любили Г. И. Петровского. Несмотря на свой большой государственный пост, он оставался все таким же простым, для всех доступным человеком. А мы, курсанты, всегда встречали его как заботливого отца и друга.

Когда в конце тридцатых годов я узнал о его аресте, то переживал это как личное несчастье. Я, конечно, не поверил в его какую-то преступную деятельность и был уверен, что произошла ошибка или же кто-то оклеветал нашего Григория Ивановича.

Наша общественная жизнь не ограничивалась только школой. Мы поддерживали тесную шефскую связь с канатной фабрикой, с заводом «Электросила» и со школой милиции.

У нас был очень хороший драматический кружок. Он часто ставил пьесы в школе, которые мы охотно посещали. Был у нас и литературный кружок, которым руководил писатель Копыленко. Мы часто выезжали на заводы, и к нам приезжали поэты и писатели: Павло Тычина, Остап Вишня и другие. Выступления Копылен-

ко всегда сопровождалось гомерическим хохотом, и очень жаль, что его репрессировали и он не выжил. По-видимому, кому-то из власти имущих сановников не понравилась его меткая сатира.

Из нашей среды тоже вышел писатель — Алексей Шиманский. Еще в школе он написал книгу «Зелена Брама».

У меня была почти болезненная страсть к чтению. Я буквально пожирал книги. Перечитал почти все книги школьной библиотеки. За любовь к книге, за страстное увлечение чтением меня премировали хорошей личной библиотекой.

Однако мы, и я в том числе, конечно, переболели многими болезнями века и своего роста. В частности, «детской болезнью левизны», «архиреволюционностью».

Среди наших преподавателей было немало старых офицеров. Даже нашим, как бы сказать, «дядькой-воспитателем» был офицер старой армии Бернасовский. Тактику преподавал генерал (фамилию, к сожалению, запамятовал). Тактику партизанской войны читал нам общеизвестный белобандит Тютюнник. Он выходил к кафедре под конвоем курсантов. Но однажды под обстрелом наших вопросов, особенно бывших участников Гражданской войны, «батько Тютюнник» вынужден был признаться:

— Но Котовский и мою партизанскую тактику превзошел. Он так прижал меня в одном месте, что я еле ноги унес, в одном белье убежал.

Некоторые курсанты хотели свести с ним кровавые счета и расправиться самосудом. Спасала его от расправы охрана наших же курсантов.

Тактику преподавал нам старый, ворчливый и добродушный генерал, один из тех, о ком солдаты говорили: «Отец родной для солдат». Память он сохранил, сохранил способность толковой передачи своего большого опыта молодым парням из деревень и с заводов. Он нас всех «тыкал», всякого, неудачно решившего задачу, стучал пальцем по голове и ворчливо говорил:

— Садись, у тебя дырка в голове! Да-с, дырка! Слушай еще раз.

И терпеливо, подробно разъяснял нам тактику боя взвода, роты, разбирал наши ошибки при решении тактических задач. При этом не было в нем, не чувствовалось презрения и пренебрежения к «кухаркиным детям». Ворчливость генеральская, но не злая и оправдывалась тем, что нелегко было преодолеть наше «тугоумие».